

На самом-то деле в тот карьер нанимались многие — и из их деревни, и из соседних. Правда, в основном шли на временную работу: колоть камни, грузить тяжелые валуны на телеги. Тяжело, надсадно, но зато близко к дому, можно обернуться за день. И надо же было такому случиться, что беда грянула именно тогда, когда там собрались все их ребята. Раньше-то люди годами там спины гнули, и ничего, обходилось.

Деревня словно погрузилась во тьму, навалилось глухое уныние. Те семьи, кого несчастье обошло стороной, усердно помогали пострадавшим, а про себя истово благодарили предков за заступничество. Конечно, никто не желал соседям зла, но уж если суждено случиться беде, всякий втайне надеялся, что кара падёт не на его родных. Такова уж человеческая природа, глупо винить людей в эгоизме.

Вот и приходилось тем, кто уцелел, помогать с удвоенным рвением, покорно поджав хвосты. Никто не смел показать и тени облегчения. Хоть их вины в обвале и не было, не станешь же радоваться жизни и праздновать спасение, когда вокруг стоит плач по покойникам? Все ходили с серыми, осунувшимися лицами — только так, разделяя чужое горе, и можно было смотреть людям в глаза.

Мать Ханьвы вместе с его дедом и бабкой собирали растерзанное, изувеченное тело сына по частям, чтобы уложить в гроб. Вернувшись домой, старики слегли и больше не смогли подняться с кана — того и гляди, эта трагедия унесёт ещё две жизни.

Мать и молодая вдова Ханьвы выплакали все глаза. Заботы по хозяйству и похоронам взяла на себя вернувшаяся в деревню замужняя тётка, а помогали ей всем миром — и родня, и соседи. Страшно было смотреть на это пепелище. Даже упрямому Гоуданю становилось не по себе. Он вместе с Ван Сюанем и остальными уцелевшими ребятами с утра до вечера пропадал в домах погибших — брались за любую работу, где нужны были рабочие руки.

Погибли ребята внезапной, страшной смертью, и суеверные деревенские не горели желанием помогать с обмыванием и укладыванием — покойники, ушедшие в мир иной столь безвременно, считались дурным предзнаменованием. Людей катастрофически не хватало, но Гоудань никого не винил и не принуждал. Из уважения к старой дружбе он просил тех, кто малодушничал, заняться другими делами: разузнать адреса, побегать по инстанциям или поехать на переговоры с хозяином каменоломни. Нужно было вытрясти из него хоть какие-то деньги — ведь семьям погибших не на что было справить тризну, а раненым в больнице требовались лекарства.

— Дело дрянь, злость берёт, но горячку пороть не надо, — советовал Гоудань мужикам, собиравшимся идти к владельцу карьера. — Сейчас главное — выбить деньги. Кулаками делу не поможешь. Скажите ему прямо: пусть сейчас отдаст часть суммы на похороны и лечение, тогда при окончательном расчёте мы уступим и потребуем меньше. Но если он зажмёт каждую копейку... Что ж, пусть знает: как только мы похороним ребят и освободимся, разговор с ним будет совсем другой.

Это был единственный выход. Беда случилась крупная, уездные и волостные власти наверняка назначат проверку, но если прижать хозяина к стене слишком сильно, он просто продаст

каменоломню с молотка или подастся в бега. Ищи его свищи тогда! В те годы найти сбежавшего дельца было делом почти безнадежным. В Сикани уже бывали случаи, когда мужики уходили на заработки, вкалывали несколько месяцев, а потом хозяин забирал кассу и растворялся в воздухе. Ищи ветра в поле — ни работы, ни денег.

Подействует ли эта угроза — бог весть, но заявить о своих намерениях следовало твердо.

Карьер располагался к северу от государственной фермы, у подножия горной гряды, богатой залежами дикого камня. Когда-то, ещё в детстве, Гоудань с друзьями облазили эти места вдоль и поперёк. Здесь они выкапывали забытый при уборке арахис и сладкий картофель, прятались среди замшелых валунов, у подножия которых журчали прозрачные ручьи, и карабкались по узловатым ветвям вековых деревьев. Горный склон был их тайным убежищем, полным приключений — они даже когда-то наткнулись здесь на чужаков с ружьями.

И надо же — та самая гора, где они провели лучшие детские годы, стала для Ханьвы смертельной ловушкой.

Похороны Ханьвы справили на удивление быстро. Семья не стала затягивать прощание ради разбирательств. Кое-кто из горячих голов предлагал не закапывать гроб, а везти его к дверям управы — требовать справедливости у властей. Но несчастная мать и слушать об этом не хотела. Она желала лишь одного: чтобы её мальчик поскорее обрёл покой в сырой земле.

— Справедливости мы и потом добьёмся, — рыдала она, качая головой. — Но я не позволю тревожить прах моего сына. Как я могу обречь его тело на новые мытарства, таскать гроб под палящим солнцем... Сердце моё не вынесет этого, не вынесет...

Погода стояла удушливая, медлить действительно было нельзя, так что споры утихли сами собой. Гоудань с помощниками прошли весь скорбный путь до конца, пока над гробом не вырос свежий холмик жёлтой глины. Смотреть на эту могилу было дико и странно. Ещё вчера Ханьва шутил, смеялся, дышал полной грудью, а сегодня — лежит в вечной темноте под толщей земли.

Его мать припала к крышке гроба ещё у порога дома и выла так, словно из неё самой вырывали душу. Горькое, безутешное материнское горе жгло её изнутри, она умоляла забрать её жизнь вместо сына. Если бы соседи крепко не держали её под руки, несчастная прыгнула бы в могильную яму прямо вслед за опускаемым гробом.

Когда ребята вернулись домой, Ли Сы встретил их на пороге со скорбным вздохом. Он приготовил отвар из полыни и листьев помело, велел им хорошенько обтереться и окропил их с ног до головы горькой водой — чтобы прогнать кладбищенскую скверну и уберечь от сглаза.

— Разве это дело для молодых? — укоризненно ворчал старик. — Для этого у нас, стариков, плечи крепче будут, нам и сподручнее такие заботы нести. А вы... сколько ни говори, всё по-своему делаете.

— Ладно тебе, папа, — мягко ответил Гоудань. — Знаем. Больше не будем.

Они даже в дом не зашли: покорно выстояли, пока Ли Сы обметал их листьями, а потом попросили вынести чистую смену белья — решили спуститься к речке и смыть с себя погребальную пыль. Видя, что сын не пререкается, старик поспешно укувылял в комнату за вещами.

Старое тряпье, в котором они два дня помогали на поминках и спали где придётся, ребята сбросили у воды. Намылив тела пахучим полынным мылом, они долго тёрли кожу докрасна. Одежду эту, по местному обычаю, носить больше не полагалось. Её нельзя было ни сжигать, ни просто выбрасывать на дорогу — только набить соломой для чучела на просяном поле или закинуть повыше на сук в глухой чаще, чтобы она истлела сама собой, унося с собой запах смерти.

На следующее утро, едва рассвело, они поспешили на самый первый автобус в уезд. Два дня занятий псу под хвост, а ведь экзамены на носу, расслабляться сейчас было смерти подобно. Деревенские дела пусть улаживают старшие — у них для этого и веса побольше, и ума палата. Сами ребята могли разве что подсказать, в какое ведомство обратиться да какую бумагу составить, на большее у них сейчас просто не было времени.

Когда до экзаменов остался всего месяц, время словно сорвалось с цепи. Цифры на классной доске стремительно таяли, превращаясь из трёхзначных в двузначные. С каждым днём гнетущее чувство неизбежности крепло — верно, именно этого ощущения напряжения и добивались учителя, выводя мелом зловещие цифры.

Постепенно притихли даже самые ворчливые наставники. Все понимали: за оставшиеся недели нового не выучишь, а те, кто пинал лодырей весь год, уже ничем себе не помогут. Сил не осталось ни у кого — ни у учителей, ни у измотанных школяров. Все держались только на упрямстве, видя перед собой финишную черту. Даже у Гоуданя, чьей бьющей через край энергии раньше завидовали все вокруг, развилась глухая тошнота от учёбы. Стоило открыть глаза поутру — и в голове поднималась серая муть: опять формулы, опять бесконечные тесты, зубрёжка, правила... Хотелось выть.

Неудивительно, что многие, поступив наконец в университет, напрочь забрасывали книги. Вырвавшись на волю, точно птицы из клеток, они долго не могли заставить себя взяться за ум — сказывалось затяжное похмелье после изнурительного выпускного класса.

Но ни Гоудань, ни Ван Сюань не давали себе поблажек. Цичжи тоже перестал бегать домой при первой возможности и теперь тенью ходил за ними. Только тогда он воочию убедился, почему эти двое прочно удерживали первое и второе места во всей школе. Они вкалывали как заведённые, точно бездушные механизмы: строчили ответы со скоростью пулемёта, мгновенно ухватывали суть любой каверзной задачи и почти никогда не ошибались.

— Это всё привычка, натаскали себя за годы, — подбадривал его Гоудань. — Ты тоже хвост не поджимай. Ошибок у тебя немного, поднажми ещё чуть-чуть — глядишь, пройдёшь во второй

поток, в приличный институт поступишь.

Легче Цичжи не стало — от таких слов на плечи легла ещё более тяжкая плита ответственности. Он обречённо смотрел, как ребята, устроив пятиминутную передышку для глаз и размяв затёкшие суставы, без лишних слов снова зарывались в горы тетрадей. В эти минуты он до боли отчётливо понял: лёгких побед не бывает. Никакой талант не спасёт без каторжного труда. Пока ты бездельничаешь и травишь байки с приятелями, те, кто метит на вершину, грызут гранит науки без сна и отдыха.

Весь этот последний месяц Цичжи мёртвой хваткой цеплялся за лидеров. Гоудань с Ван Сюанем не жадничали: делились шпаргалками, подсказывали, на какие темы обратить внимание. В конце концов они пригласили его к себе на съёмную квартиру. Войдя, Цичжи так и застыл с разинутым ртом. И удивили его вовсе не чистые комнаты — об аренде жилья ребята упоминали и раньше, просто он не напрашивался в гости. Потрясло его то, как они питались. Стол ломился от еды.

— Мозги сейчас работают на износ, если себя не подкармливать, долго не протянешь, — резонно заметил Гоудань, разливая суп по пиалам. — Сил не хватит. К нам ведь матушки из деревни каждый день с судочками да горячими бульонами бегать не будут.

— А я вот как-то выживаю, — уныло вздохнул Цичжи, вспомнив сиротливую баланду из школьной столовой, где капли жира приходилось искать с лупой.

Гоудань насмешливо зыркнул на него:

— Вот потому мы тебя сегодня и привели — подкрепить силы перед финишным спуртом. Налегай на мясо.

Цичжи согласно закивал. Организм его давно требовал сытной пищи, и упускать такой случай он не собирался.

— В такую жару объедаться жирным нельзя, желудок сорвёшь, — подал голос Ван Сюань, выставя тарелки. — Рацион должен быть лёгким: два мясных блюда, два овощных и наваристый бульон. После обеда заварю травяной сбор, чтобы убрать лишний жар из тела. Перед экзаменами только лихорадки от переутомления нам не хватало.

Изголодавшийся по домашней кухне Цичжи уже всюю орудовал палочками. Набив рот дополна, он лишь согласно мычал, показывая, что готов подписаться под каждым словом хозяина. Гоудань, который и сам никогда не отличался изысканными манерами за столом, и то брезгливо поморщился:

— Ну и харя у тебя, когда ты жуёшь. Страшно смотреть.

Цичжи только отмахнулся. Пусть болтает что хочет, главное — успеть ухватить ещё кусок нежной свинины, пока всё не смели.

Отодвинув пустую пиалу, гость блаженно погладил набитый живот и мечтательно протянул:

— Эх... Корми меня так каждый день, я бы по двадцать часов кряду за учебниками сидел и не пикнул!

— Раскатал губу, — осадил его Гоудань. — Думаешь, у нас с Ван Сюанем полно времени у плиты торчать? Мы сами в будни из столовки не вылезаем — поел по-быстрому и сразу за дело, голова не забита готовкой. Сюда только по выходным заглядываем, душу отвести да побаловать себя домашним.

Цичжи спорить не стал. Сейчас всем было не до кулинарных изысков, лишь бы червячка заморить — те, кто действительно метил в вузы, ни о чём, кроме учебы, думать не могли. В один из дней администрация школы выделила полдня на официальную съёмку выпускных классов. К этому событию готовились тщательно: ребята нацепили свои лучшие выходные наряды, умылись до блеска, причесались волосок к волоску. Классы по очереди выстраивались на широком крыльце перед главными воротами школы, прямо под массивной вывеской с рельефными иероглифами: «Уездная средняя школа». Там, плечом к плечу с любимыми учителями, они замирали перед объективом фотокамеры.

После официальной части началось весёлое безумие. Разомлевшие от долгожданной свободы ребята разбивались на кучки: фотографировались с соседями по парте, с закадычными друзьями по общежитию, с «названными братьями». Одного кадра с одноклассниками казалось мало, бежали в соседние кабинеты, вытаскивали знакомых из параллельных групп — благо за годы интернатской жизни перезнакомились почти все. Вспышки так и сверкали. Это была редкая, бесценная минута передышки в их суматошной жизни.

Гоуданю и Ван Сюаню присесть было некогда. Стоило им откланяться преподавателям, как их тут же взяли в оборот сверстники. Парни хлопали их по плечам, напрашиваясь в кадр, девчонки смущённо улыбались, переминаясь с ноги на ногу. Разумеется, больше всего девичьего внимания досталось Ван Сюаню. Стройный, всегда аккуратный и вежливый, он давно кружил головы местным красавицам. Даже девчонки из параллельных классов бесцеремонно вклинивались в очередь, лишь бы постоять с ним рядышком перед объективом.

Другие парни кусали губы от зависти — им тоже до смерти хотелось порисоваться перед девчонками, да только смелости не хватало, да и повода такого не было.

Шли дни, и летний зной становился всё невыносимее.

Под палящим солнцем, когда на школьной доске осталась сиротливая тройка, у всех внутри что-то оборвалось. Напряжение сменилось странным, почти мистическим спокойствием — пыль улеглась, жребий брошен. И те, кто грыз книги ночами, и те, кто пинал воздух, понимали: метаться поздно. Время вспять не повернуть, как ни моли. В классе воцарилась звенящая

тишина. Учитель стоял у кафедры, положив ладони на полированное дерево, и молча смотрел на своих подопечных. Ни слова о формулах, ни слова об экзаменационных листах. Десятки глаз снизу вверх ловили каждый его вздох.

— Это наш последний урок, ребята, — негромко начал он, и голос его, обычно строгий и звонкий, слегка дрогнул. — Учебники нам больше не понадобятся. Я просто хочу сказать вам на прощание несколько слов. Три года мы были вместе. Срок немалый, но пролетел он как один миг. Разное бывало, но в целом, думаю, мы ладили. Скоро ваши пути разойдутся. Кто-то уедет учиться дальше, увидит большие города, обзаведётся новыми друзьями и наставниками. Кто-то вернётся к плугу, осядет в родной деревне, создаст семью, займётся делом. Но где бы вы ни оказались, кем бы ни стали, я прошу вас об одном: берегите свою душу. Оставайтесь людьми при любых обстоятельствах. Живите честно, приносите пользу своей стране...

Говорил он долго, и на этот раз никто не зевал, не перешёптывался — ловили каждое слово.

— Через два дня пробыёт ваш час, — продолжил классный руководитель, мягко улыбнувшись. — Но паниковать не надо. Пишите так же, как писали на пробных тестах. В эти двое суток забудьте про зубрёжку, сейчас она только кашу в голове устроит. Дирекция школы настоятельно рекомендует дать уму передышку. Мой вам совет: те, кто живёт в интернате, не разъезжайтесь по домам. Оставайтесь здесь, попинайте мяч во дворе, только без травм, ради бога. Или просто выспитесь как следует. Дорога утомляет, а дома вас запрягут в домашние дела, собьют рабочий настрой. И главное — проверьте документы. Пропуска, карандаши, линейки... Всё должно быть собрано заранее, чтобы утром в панике не метаться по комнатам.

— Ну что ж... В добрый путь, ребята. Пусть ваше будущее будет светлым и безоблачным. Урок окончен.

Учитель тепло улыбнулся, но класс застыл. Никто не вскочил со своего места, не захлопал крышкой парты, как бывало прежде при первом же ударе колокола. Тишина стояла мёртвая. Наставник выждал минуту, вздохнул и первый медленно вышел из кабинета. Только тогда по рядам пробежал тихий вздох, и ребята начали собираться — нехотя, вяло, словно оттягивая момент расставания.

Тяжёлые стопки учебников, тетрадей и конспектов перекочевали в картонные коробки и поношенные сумки. Из ящиков выгребли старые огрызки карандашей, клочки черновиков и шелуху от семечек. Затем дружно, всем миром, вымыли пол и протёрли доску. Класс опустел. Каждый уносил своё добро: кто-то грузил узлы на велосипед, чтобы отвезти домой, кто-то перетаскивал коробки в спальни общежития.

Как ни щемило сердце, а оставаться здесь больше не имело смысла. Бросив прощальный взгляд на непривычно чистый, гулкий кабинет, выпускники разошлись. Пока экзамены маячили где-то впереди, три года казались вечностью. Шутка ли — целых три года! Сколько их таких, золотых лет, отпущено человеку в жизни? А теперь, когда финал наступил, в голове билась испуганная мысль: «Почему же так быстро? Я ведь ещё совсем не готов...»

Сердца стучали неровно и гулко, но сквозь щемящую тоску пробивалась упрямая решимость.

Гоудань и Ван Сюань решили остаться в уезде — трястись в пыльном автобусе ради двух дней дома не хотелось, только силы растеряешь. Они перехватили одного из младших ребят из Сикани, который ехал на выходные к родителям, и передали с ним гостинцы да короткую весточку для Ли Сы. На съёмную квартиру они тоже не пошли. Вместо этого они вернулись в старое школьное общежитие, чтобы провести эти последние, самые важные дни бок о бок со своими товарищами.

<http://bllate.org/book/19654/1996780>